

Романтическое
настроение

Читайте в серии
«*Романтическое настроение*»

Даниэла Стил

Игра в свидания
Верить в себя
Хочу «Оскар»!
Тайна ее прошлого
Наваждение
День Рождения
Прости меня за любовь
Отзвуки Эха
НеВозможно
Отныне и вовек

Нора Робертс

Между нами горы
В погоне за счастьем
Сегодня вечером и всегда
Я выбираю тебя
Драгоценности солнца
Слезы луны
Сердце океана
Слухи об ангелах
Подсказка
для Спящей красавицы

Сандра Браун

Медовый поцелуй
Дом, в котором нет тебя
Пламя страсти
Тайный брак
Дороже всех сокровиш
Свадебный венок
Жажда
Парк соблазнов
Буря в Эдеме

Энн Стюарт

*Красив
и очень опасен*

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С88

Anne Stuart

NIGHT FALL

© Anne Stuart Ohlrogge, 1995

Перевод с английского А. Санина

Художественное оформление С. Ляха

Стюарт, Энн.

С88

Красив и очень опасен / Энн Стюарт ; [пер. с англ. А. В. Санина]. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-699-81314-8

Его зовут Ричард Тьернан. Присяжные вынесли ему смертный приговор за убийство. Он согласился дать Кэсси Роурки интервью для книги, но, казалось, видел в ней очередную жертву и желал лишь дразнить, мучить, искушать — свести девушку с ума. Его глаза притягивают Кэсси, словно магнит, и она готова рискнуть жизнью, лишь бы узнать правду и доказать, что ее любовь пробилла броню там, где Ричард уже давно считал себя неуязвимым.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Санин А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81314-8

Пролог

Безумные сны мучили ее всю ночь. Кровь, блуд, смерть — причудливые и уродливые видения заполнили мозг, ледяными пальцами сжимали горло, не давая дышать. Она пошарила рукой по подушке, но рядом никого не оказалось. Некому было вырвать ее из липких объятий сна, успокоить, объяснить, что это всего лишь кошмар, что из мрака не вынырнет неведомое чудище и не поглотит ее. Никто не мог заставить ее поверить в безмятежное будущее и райские кущи. И тогда она открыла глаза и убедилась: в спальне царили тишина и покой, а за окном кружились снежинки. Слава богу, никто ее не тронет.

Видал сны и он. Лежа на тонком матрасе в тюремной камере, под не умолкавший даже ночью мерный гул. Ему снились зеленые луга и цветы, нежная женщина, манящая к себе; снились свет и радость, безмятежное будущее и райские кущи. Пробудившись от сна в холодном поту, он вновь был один как перст. Вокруг царил крошечный мрак, и в душе его поселилась смерть.

Глава 1

*И*з статьи в «Нью-Йорк пост»:

«Сегодня днем Ричарда Тьернана, приговоренного к смертной казни за жестокое убийство жены, выпустили из тюрьмы под залог в один миллион долларов.

Невероятно, но залог внес Шон О’Рурк — известный писатель, лауреат Пулитцеровской премии. Несмотря на это, он не устает повторять, что вовсе не вынашивает замысла создания романа, посвященного трагической гибели Дианы Скотт Тьернан, последовавшей пятнадцать месяцев назад. Насколько нам известно, О’Рурк и Ричард Тьернан даже незнакомы.

Общественный обвинитель Джером Фабиани, не скрывавший недовольства по поводу решения судьи, заявил, что, по его мнению, убийца недолго останется на свободе.

Обвинительный приговор уже вынесен, и Тьернану никуда от него не уйти. Мы продолжаем следствие по поводу исчезновения и вероятной гибели обоих его детей, а также нескольких женщин, и не собираемся уступить поле брани без боя.

Ветеран войны в Персидском заливе и националь-

ный герой Соединенных Штатов, генерал в отставке Эмберсон Скотт, выступавший на суде свидетелем против своего зятя, был страшно разгневан, узнав о его освобождении. «В данном случае я выступаю как самый обычный гражданин, который борется за справедливость», — сказал генерал, пытавшийся воспрепятствовать судебному решению.

Согласно постановлению суда, Ричард Тьернан обязан вернуться под судебную юрисдикцию через два месяца. Из зала суда его увез Шон О'Рурк, и в настоящее время местопребывание Тьернана неизвестно.

Шон О'Рурк отказался подтвердить или опровергнуть слухи о том, что получил от некоего издательства миллион долларов в качестве аванса за роман об этом громком преступлении.

Ричард Тьернан приговорен нью-йоркским судом к казни путем инъекции яда; это первый смертный приговор, вынесенный в Нью-Йорке со времени восстановления в нашем штате смертной казни».

* * *

Кэссиди Роурки безнадежно опаздывала на встречу с друзьями, и это злило ее. В двадцать семь лет она сумела не только добиться приличного положения, но и обеспечить себе вполне сносную и размеренную жизнь. Работала не покладая рук, однако к числу трудоголиков не относилась, считая вполне достаточным отдавать делу интеллект и энергию. Ее считали надежным и преданным другом, она была всегда готова прийти на помощь, выслушать и утешить попавшую в беду подругу — словом, Кэссиди являла собой образец добропорядочной, славной женщины, которой,

к несчастью, довелось иметь скандально знаменитого отца. Она, правда, нашла в себе силы сбежать от богемной жизни и ореола известности, с детства окружавших ее, и перебралась в Балтимор, где стала вести спокойную жизнь, которую многие могли назвать скучной. У нее появились приятные знакомые, работа, которая обеспечивала ее, но не утомляла.

Кэссиди этой жизнью наслаждалась. Она упивалась размеренной монотонностью работы, а неспешное течение безликих будней, лишенных всякой суеты, убаюкивало. Никто не преследовал и не понукал, никто не требовал от нее невозможного. Но вот сейчас, не опрокинь Кэссиди злополучную бутылку «Диет-пепси», из-за чего пришлось спешно переодеваться, она не опаздывала бы на целых десять минут в ресторан, куда ее пригласили Эмми с Джоном. И телефонный звонок уже не застал бы ее дома.

— Кэсс, это я.

Кэссиди не разговаривала с отцом уже несколько месяцев, однако сразу узнала сочный, немного развязный ирландский выговор Шона О’Рурка.

— Привет, Шон, — осторожно ответила она, мгновенно насторожившись. Несомненно, ему опять что-то от нее надо. Так всегда бывало, когда отец звонил, и ей стоило огромных усилий не поддаваться на его уговоры. В противном случае он высасывал ее, как пивка. — Что тебе нужно?

— Господи, неужели нельзя просто позвонить и поинтересоваться, как поживает моя старшая дочь? Между прочим, я соскучился по тебе, дочка. Сто лет тебя не видел.

— Тебе ведь все некогда, — заметила она.

— Да, работы у меня хватает, — вздохнул Шон. —

Новый роман, новые задумки. Жизнь бьет ключом, Кэсс. Скучать не приходится.

— Да, особенно если смакуешь убийства детей, — сухо заметила Кэссиди.

— Ах, я вижу, ты читаешь желтую прессу, — усмехнулся отец. — А я-то думал, ты надежно спряталась от мирской суеты в своей башне из слоновой кости.

— Желтую прессу я, конечно, не читаю, однако в очередях в кассах супермаркета стою. Да и работа в солидном издательстве, согласишься, не напоминает жизнь затворника.

— Хотя ты и трудишься во вражеском стане, я рад, что в конечном итоге моя дочь все же пошла по моим стопам, — произнес Шон. — Пусть и не унаследовала мой талант к сочинительству, главное, что ты разделяешь мою любовь к его величеству Слову...

— Извини, Шон, я очень спешу, — нетерпеливо перебила его Кэссиди, зная, что отец способен разглагольствовать едва ли не часами, прежде чем перейти к делу. А в том, что звонил он по делу, никаких сомнений не было.

— Неужто не выкроишь лишней минутки для родного отца? — с напускным огорчением спросил Шон. — В мать пошла. Признайся, это не она тебя подбила...

— Мы уже неделю с ней не разговаривали, — отрезала Кэссиди, теряя терпение.

— Понятно. Это тем более убеждает меня в собственной правоте, — усмехнулся Шон. — Она ведь звонила, чтобы предупредить тебя насчет Ричарда Тьернана, верно? Я ее знаю. Никогда не забуду тот ад, в который она превратила нашу жизнь. Да, наверняка твоя мамочка наплела кучу небылиц про Тьернана.

Неужели ты до сих пор веришь ее рассказам? Что она тебе наговорила? Что он псих и маньяк, что ему не место среди людей? Или он из тех обаятельных, но жестоких личностей, которые находятся целиком во власти собственных пороков?

— Господи, да с какой стати? — возмутилась Кэссиди. — Похоже, Шон, ты уже вовсю работаешь над новым романом. Между прочим, — мстительно добавила она, — мамочка звонила лишь для того, чтобы поздравить меня с днем рождения.

В трубке воцарилась могильная тишина. Затем послышался сокрушенный голос Шона:

— Никогда не мог запомнить все эти даты, черт побери.

— Знаю, Шон. — Тон Кэссиди смягчился. Все-таки ему опять удалось пробить ее защитную броню. И почему она вечно прощает его, вместо того чтобы хоть разок проучить? — А почему ты считаешь, что мама звонила по поводу Ричарда Тьернана?

— Понятия не имею, — ответил Шон. И тут же голос его потеплел: — Кэсс, солнышко, я очень хочу тебя видеть.

— Зачем?

— Зачем? — эхом откликнулся он. — Я ведь с прошлого лета тебя не видел — с тех пор, как ты в Хэмптон приезжала. Я по тебе соскучился. Годы идут, а я ведь не вечен...

— Оставь это, Шон, — досадливо поморщилась Кэссиди. — Мы виделись на Рождество, и ты это прекрасно помнишь. Да и на немощного старца ты отнюдь не похож, так что смени пластинку. Говори прямо — что тебе от меня нужно?

— Я хочу, чтобы ты ко мне приехала, — сказал он,

мгновенно меня интонацию. — Пообщаемся немного, да и в твоих профессиональных навыках я очень нуждаюсь...

Кэссиди расхохоталась.

— Помнится, ты сам сказал, что всех литературных редакторов нужно поставить к стенке и расстрелять.

— Ты ведь не простой редактор, Кэсс, и отлично это понимаешь. Позволила бы мне хоть словечко замолвить, и не пришлось бы тебе торчать в такой дыре...

— Я очень люблю Балтимор, Шон, и мне здесь хорошо.

— Приезжай ко мне, зайныка. — В голосе отца звучали бархатные нотки. — Тебе ведь отдохнуть надо. Да и в отпуске, наверное, давно не была. Мабри тоже без конца о тебе спрашивает. Она так за меня переживает, глупышка.

Кэссиди насторожилась. Неясная тревога, появившаяся с первой же минуты разговора, стала почти осязаема.

— А почему она переживает?

— Да простуда никак не проходит, — небрежно ответил Шон. — Я все твержу ей, чтобы не говорила глупостей, но Мабри не унимается. Это она заставила позвонить тебе.

Что ж, *этому* Кэссиди охотно поверила — Шон никогда никому не звонил по собственной инициативе.

— Признайся, — спросила она, — зачем я тебе на самом деле понадобилась?

— Ну ты у меня просто Фома неверующий, — рассмехался отец. — Приезжай... пока не поздно.

И в трубке послышались короткие гудки. Кэссиди хмуро уставилась на нее. Затем со словами: «Лишь бы выпендриться!» — повесила трубку.

Нет, больше на его штучки она не поддастся. Прежде Шон — умелый манипулятор — всегда добивался от нее того, чего хотел. Кэссиди неспроста так тщательно отгородилась от него — духовно и физически. Шон был ненасытен — он поглощал с потрохами любую личность, имевшую неосторожность сколько-нибудь сблизиться с ним; во всяком случае, личность, воля которой уступала его собственной. Кэссиди с превеликим трудом удалось завоевать свою независимость, которую она теперь старалась хранить как зеницу ока.

История о том, что Шон заболел, была, разумеется, очередным вымыслом. За всю свою жизнь Шон О'Рурк не проболел и дня. Микробы, видимо, опасались с ним связываться. Этот приземистый, вспыльчивый и здоровый как бык мужчина буквально продирался по жизни, оставив позади пятерых жен, троих детей и бесчисленное количество бестселлеров. Его с поразительной, неумной и воистину юношеской страстью влекло к авантюрам. Ребенком Кэссиди боялась выходок отца до паники, потом научилась, сохраняя спокойствие, держаться настороже.

И вот теперь она ему понадобилась. Вряд ли удастся отвертеться. Придется ехать. По-видимому, какие-то вопросы, связанные с новым романом Шона. Ведь в жизни ничего, кроме сочинительства, не трогало его.

Кэссиди уже мысленно составила план действий. Визита в отцовскую квартиру на Парк-авеню, которую он занимал вдвоем с Мабри, она ничуть не опасалась — ездить на себе отцу она уже не позволяла, а на Ричарда Тьернана ей, по большому счету, наплевать. Даже если этот злодей и вращался на орбите Шона, Кэссиди сомневалась, чтобы ему было до нее хоть какое-то дело.

Она не из той породы, которая вдохновляет убийц на преступление.

Черт побери, она уже совсем опоздала в ресторан... В Балтиморе стоял довольно теплый март, и Кэссиди предвкушала наступление весны; поездка в Нью-Йорк совершенно не входила в ее планы. Впрочем, тут уж ничего не попишешь. С детства беззаветно обожавшая своего невозможного отца, Кэссиди не могла ему отказать. Да, она возьмет несколько дней отпуска и слетает к Шону в Нью-Йорк, чтобы лишний раз убедиться — старый лис жив и здоров. Выведает, что ему на сей раз понадобилось, скажет «нет», прошвырнется по магазинам и возвратится в Балтимор.

Все, казалось бы, проще простого. Но почему тогда ее грызет это мрачное предчувствие?

Может быть, лучше выкинуть из головы просьбу отца, махнуть куда-нибудь на Карибское море и недельку понежиться на солнышке, разгоняя накопившиеся за зиму тоску и усталость?

Нет, Карибы подождут. Во-первых, нечего потакать депрессии, всякий раз подступающей к ней в это время года, а во-вторых, она все равно безнадежно испортит себе отпуск, всю неделю тревожась за отца.

Да, похоже, придется лететь в Нью-Йорк. Кэссиди уповала на господина, что отец не вовлечет ее в очередную сумасбродную затею.

Маньяки-убийцы и психопаты никогда ее не привлекали. В отличие от отца Кэссиди предпочитала сталкиваться с мрачной изнанкой жизни лишь на книжных страницах. Поэтому она всерьез надеялась, что и знакомство с Ричардом Тьернаном ограничится лишь чтением нового романа.

* * *

— Отстань, Мабри, — недовольно отмахнулся от своей пятой жены Шон О’Рурк, урожденный Джон Роурки. — Знаешь ведь, я терпеть не могу, когда надо мной причитают.

— Я ничуть не причитаю, — проворковала Мабри, привычным движением сбрасывая с худенького плечика шелковистую прядь белокурых волос. — Я просто говорю, что если твое состояние не улучшится, то я бы на твоём месте либо сходила к врачу, либо перестала рычать на меня без всякого повода.

— Черт возьми, я вовсе на тебя не рычу, — свирепо прорычал Шон. — Я только спросил, когда должна приехать эта чертова Кэссиди, черт бы ее побрал!

— Ты сегодня спрашиваешь об этом уже в третий раз, — с убийственным спокойствием заметила Мабри. — И в третий раз отвечаю: не знаю. Я, кстати, вообще не уверена, приедет ли она. Я сама позвонила ей, однако Кэссиди — штука себе на уме, сам знаешь.

— Чтоб ее приподняло и хлопнуло! — смачно процедил Шон. — Ты сказала, что я болен?

— Я сказала именно то, что ты мне велел. Что ты простудился, однако выздоровление по непонятным причинам затягивается, и что ей лучше бы приехать навестить тебя.

— А она что сказала?

— Нечто невразумительное. Ты должен сам это понимать, Шон. Нельзя требовать от людей, даже самых близких, того, чего ты в свое время сам им не дал.

— Кэссиди меня не предаст, — убежденно сказал он. — Она верная, надежная и совершенно не злопаятная.

— Ты пользуешься тем, что все тебя прощают, — промолвила Мабри. — Но в один прекрасный день людям это надоест.

— Господи, Мабри, давай обойдемся без твоих нотаций, — поморщился Шон. — Я знаю свою дочь лучше, чем ты. Она придет. Меня интересует только, когда.

Допив чай с женьшенем, Мабри оставила чашку.

— Боюсь, дорогой, что тебе впервые в жизни понадобится запастись терпением, — ядовито произнесла она.

Шон метнул на нее испепеляющий взгляд, но Мабри сделала вид, что не заметила его, и взялась за газету; ее прелестное лицо казалось совершенно безмятежным.

— Если ты меня не поддержишь, придется поискать поддержку в другом месте, — капризным голосом сказал Шон О'Рурк.

Ответ Мабри остановил его уже в дверях.

— На твоём месте я была бы чуть поосторожней со своим новым любимцем, — нежнейшим тоном молвила она. — Он может оказаться не столь благовоспитанным, как ты думаешь.

Шон хрипло рассмеялся:

— Именно это меня и вдохновляет, Мабри. За тиграми куда интереснее наблюдать, чем за домашними кошками.

— Смотри, как бы ты не зашел слишком далеко.

— Непременно, — ухмыльнулся Шон.

* * *

Лежа на кровати, он размышлял. Еще в тюремной камере он научился таким образом ускользать от действительности; при этом лишь брэнная обо-